

— А?!

Масамити, как обычно, вернулся с подготовительных курсов и заметил, что дверь «Богюдо» заперта.

— Интересно, Сино вышел.

Он не упоминал ничего о том, чтобы куда-то идти, когда они завтракали этим утром, но Сино не был тем, кто связывается, обсуждает или сообщает другим о своих планах, как ответственный взрослый.

Не было необычным, что его не было дома, когда Масамити возвращался.

Но сегодня он оставил на двери табличку «ОТКРЫТО». Возможно, он внезапно вышел по прихоти или у него была срочная встреча.

— Может, он пошёл куда-то за товаром. Ладно, куда я положил ключ...

Масамити уже собирался порыться в своей сумке через плечо, когда заметил здание рядом с магазином.

«Богюдо», где жили Сино и Масамити, находился посреди жилого района, но соседи с обеих сторон не были жилыми домами. С одной стороны была автостоянка с помесечной оплатой; с другой - одноэтажный склад с очень высоким потолком.

В этот день ставни на уличной стороне склада были слегка приподняты.

Никогда не видел, чтобы эти ставни открывали. Интересно, что внутри.

Масамити наклонился, но не мог заглянуть внутрь, так как свет был выключен.

Всё, что он мог разглядеть, - это вёдра и стремянки возле ставней.

Мастерская, что ли?

Масамити безучастно смотрел на это место, когда из-под ставней вылез маленький пожилой мужчина. На нём была классическая, но стильная рубашка с короткими рукавами и открытым воротом, брюки и панама.

Он воскликнул «о!», когда его глаза встретились с глазами Масамити, и тут же снял шляпу.

— Здравствуйте.

Поскольку старший мужчина опередил его с приветствием, Масамити быстро склонил голову.

— 3-здравствуйте!

Хотя он был застенчивым, голос Масамити был громким, когда он здоровался с людьми. Это было что-то вроде условного рефлекса со времён работы в пабе.

Мужчина подошёл к Масамити и с интересом разглядывал его лицо.

— Не видел вас раньше. Вы внук Дайдзо или что-то вроде того?

Масамити быстро это отрицал.

— О, нет. Я... эм, живущий тут продавец.

— Ах. «Богюдо», видимо, преуспевает при новом поколении управления. Может позволить себе живущего помощника... О! Извините. Это замечательно, когда бизнес процветает. — Он издал «ха-ха-ха», надел шляпу обратно и указал на своё загорелое лицо. — Меня зовут Канаи, я живу за углом рядом с винным магазином. Прежний хозяин, Дайдзо, был очень добр ко мне.

— А, вы из совета района. Простите, где мои манеры? Я Масамити Адати.

Вежливое представление Масамити вызвало широкую ухмылку на лице мужчины - Канаи.

— Масамити. Очень приятно. Рад видеть больше молодёжи в городе. Надеюсь, вы останетесь надолго. Вы будете здесь осенью?

Масамити был озадачен.

— Этой осенью? Да, наверное.

Поскольку Масамити был слугой, он будет здесь, если Сино его не выгонит... но он не мог сказать это Канае и ответил уклончиво. Однако Канаи, казалось, остался доволен и хлопнул в ладоши, которые казались большими для его роста.

— Отлично. Я был бы рад, если бы вы и Тацуми поучаствовали в нашем осеннем фестивале.

Масамити удивлённо моргнул.

— Фестиваль? У вас тут бывает фестиваль осенью? И Сино... то есть, господин Тацуми участвует? Правда?

Не в силах поверить, что обычно молчаливый и недружелюбный призрак будет участвовать в местном фестивале, Масамити не мог скрыть удивления в голосе. Канаи кивнул, выгляде любопытным, почему Масамити так поражён.

— Ага. Сначала Дайдзо его пригласил. Он, казалось, не был в восторге, и я поначалу был груб, думая, что люди могут почувствовать себя беспокойно, если на фестиваль придёт такой красивый, но угрюмый мужчина. Но он, на удивление, сильный, верно? Отлично справлялся с тем, чтобы тянуть повозку.

— О!

Масамити хлопнул в ладоши от понимания.

У Сино были отличные физические способности, даже если его покойный господин, Токифую, принижал их. Это было совершенно понятно Масамити, который каждый день видел, как Сино с лёгкостью двигает тяжёлые антикварные вещи.

— Вы сказали, повозку? У вас в этом городе есть повозка?

— Ага, прямо здесь. Вы не знали?

— Так вот где хранят повозку! Я не знал. Неудивительно, что тут высокий потолок.

— Да, это называется ямагура. Хотите взглянуть, раз уж вы здесь? Хотя предупреждаю, она сейчас на обслуживании. Мы приводим её в порядок к осени, так что она выглядит голой и немного жалкой.

Затем Канаи открыл ставни наполовину. Послеполуденный свет проник внутрь, и Масамити смог увидеть переднюю часть повозки.

Как и сказал Канаи, большая часть украшений была снята, и она выглядела древней, но прочной, построенной как цельная деревянная конструкция.

— Она подержанная. Все скинулись, и мы купили её двадцать лет назад. Дайдзо, прежний хозяин «Богюдо», использовал свои связи в антикварном бизнесе и нашёл её для нас. Он даже договорился о цене. Он тогда очень помог.

— Это прекрасная история, которая показывает связь между вами и Дайдзо!

Видя, как впечатлён Масамити, Канаи с гордостью указал на свою грудь.

— Верно. И поскольку я краснодеревщик, я руковожу украшениями. Я пришёл сюда между делами сегодня, чтобы замерить детали, которые нужно починить. Я уже собирался уходить, когда столкнулся с вами.

— Понятно.

— У нас также есть штукатурщик, мастер по татами, мастер по кимоно, мастер по фонарям - мы все помогаем чинить повозку, изготавливать новые детали, украшать её и делать её великолепной. В день фестиваля она будет выглядеть так потрясающе, что вы её не узнаете, — сказал Канаи, улыбаясь.

Его любовь к повозке и профессиональная гордость были очевидны, производя на Масамити прекрасное впечатление о Канае.

— Буду с нетерпением ждать фестиваль, — сумел сказать он, не в силах придумать что-то умное. Лицо Канаи сморщилось в улыбке, он счастливо рассмеялся и легко хлопнул Масамити по спине.

— Ждите. И ещё раз, было бы здорово, если бы вы могли поучаствовать в фестивале вместе с Тацуми. Я оставляю на вас задачу привести его с собой.

Канаи попрощался, плотно закрыл ставни и ушёл.

— И вот что случилось. Я понятия не имел, что рядом хранится повозка.

Вечером Масамити приготовил чай для Сино, когда тот вернулся домой, и рассказал о своей встрече с Канаи.

Как и предполагал Масамити, Сино ходил за товаром, который сейчас расставлял на низком столе. Он не дал ни единого ответа, но Масамити говорил с ним с кухни, веря, что тот слушает.

— Я слышал, ты участвуешь в осенних фестивалях и тянешь повозку. Не ожидал, что ты любитель фестивалей. Я удивился, когда господин Канаи мне рассказал.

Затем Сино вытащил из сумки старомодные карманные часы на цепочке, осмотрел их и безразлично сказал:

— Я хожу на фестиваль каждый год, но не помню, чтобы говорил, что он мне нравится. Что с тобой не так?

Облегчённый тем, что Сино его слушал, Масамити налил в чайник слегка остывшую кипячёную воду и принёс её и чашки на стол.

— Но ты же участвуешь каждый год, верно? Даже если Дайдзо тебя об этом попросил, ты бы не стал, если бы не хотел, правда?

Сино убрал руку от часов и фыркнул.

— Думаешь, я прекрасно провёл время, таская ту повозку?

— Разве нет?

— Нет. Всё, что я делал, - это таскал ту повозку и ел на законных основаниях.

Масамити разлил чай по двум чашкам и наклонил голову в ответ на неожиданный ответ Сино.

— На законных основаниях? Что ты имеешь в виду?

Сино ответил тоном, говорившим о здравом смысле.

— Фестиваль склонен поднимать людской дух без последствий.

— Это правда. Выступления и представления забавны, и ещё есть ларьки, всё это веселит всех. Я возбуждаюсь уже от одной музыки. Тебе тоже нравится, да?

Сино надулся.

— Наслаждение - это ощущение, которое люди идут и чувствуют сами по себе. Это не имеет ко мне никакого отношения.

— Ладно, может, ты и прав, — сказал Масамити, смущённый.

Сино, выглядевшему скучающим, добавил:

— Люди, которые возбуждаются на фестивале, распространяют избыточную энергию повсюду, даже не прося об этом. Моё раз в год удовольствие — это сожрать её. Только на фестивале я могу открыто пожирать человеческую энергию — особенно детскую.

Масамити был потрясён тем, что было таким типичным для стиля Сино способом получения удовольствия, что он расхохотался.

— А, понял! Правила Токифую запрещают тебе нападать и есть людей, но можно брать избыточную энергию людей, да? Так что для тебя фестиваль — это как шведский стол.

— В общем, да, хотя теперь у меня есть ты, так что у меня не так много проблем с поиском

энергии, — сказал Сино, затем взял рисовую лепёшку, которую Масамити принёс к чаю, и откусил около половины.

Сино обычно говорил, что человеческая еда для него просто перекус, но, судя по тому, что видел Масамити, у него, казалось, была довольно большая слабость к сладкому. И он всегда ел сладкое перед тем, как пить чай.

Казалось, Ёрико, жена прежнего хозяина, немного разбиралась в японской чайной церемонии и иногда практиковалась с мужем и Сино.

Привычка Сино сначала есть сладкое, вероятно, соответствовала этикету чайной церемонии.

Сино определённо добросовестен.

Впечатлённый, Масамити взял маленькую овальную рисовую лепёшку со сладкой бобовой начинкой и откусил небольшой кусочек с одного конца. Хрустящий внешний слой и липкая паста из красной фасоли создавали прекрасный контраст.

— Так, Сино, а ты не пойдёшь на фестиваль в этом году? Господин Канаи сказал, что хочет, чтобы мы были там, — сказал Масамити, звуча обеспокоенно.

Но Сино, чавкая оставшейся половиной сладкого, невнятно проговорил:

— Пойду.

Масамити удивлённо наклонил голову.

— Пойдёшь? Участвовать? Но ты же сказал, что у тебя теперь не так много проблем с поиском энергии, раз я есть. Разве это не значит, что тебе больше не нужно ходить на фестиваль?

Небрежно отхлебнув горячего чая, даже не подув, чтобы остудить, Сино сказал:

— Чем больше у меня человеческой энергии, тем могущественнее я становлюсь. Кроме того, то количество энергии не такое уж и подавляющее.

— Я не знаю, сколько энергии нужно призраку, чтобы почувствовать сытость. Но в любом случае, я смогу поучаствовать в этом году на фестивале вместе с тобой!

Масамити сиял яркой позитивностью своей юности. Настала очередь Сино прищурить свои миндалевидные глаза с подозрением.

— Почему ты так счастлив? Тебе так сильно хочется тянуть повозку?

Застенчиво, но честно, Масамити кивнул.

— У нас в родном городе не было крупных фестивалей, так что я никогда не участвовал в повозке для парада или чем-то подобном. Мне не будет до смерти стыдно, если ты будешь там со мной.

— Почему тебе должно быть стыдно?

— Сложно объяснить... но мне просто стыдно что-то делать на глазах у людей, не говоря уже об участии в каком-либо мероприятии.

— Ты сложный. Я наблюдаю за людьми тысячу лет и до сих пор не понимаю их. Но как бы то ни было.

Сино подтолкнул чашку, из которой только что отпил, к Масамити.

— Этот чай слабый, слуга.

— Ой!

Выражение лица Масамити мгновенно изменилось, и он встал.

— Прости. Я немного скуплюсь на чайные листья. Это привычка, которая появилась, когда я жил один. Я заварю новую порцию.

Сино не был особо зол на Масамити, который сильно спешил собрать чашки и чайник на поднос. Он деловито сказал:

— Есть поговорка, что слишком много хорошего — это плохо, но к чаю она не относится. Если он слишком крепкий, его нужно лишь разбавить. Но нельзя усилить слабый чай и в итоге потратить все чайные листья впустую.

Масамити, который уже направлялся обратно на кухню, замер и обернулся.

Ой. Я уже собирался добавить в чайник ещё листьев и заварить снова.

— Эй, Сино?

— Что?

— Ты минуту назад сказал, что наблюдаешь за людьми тысячу лет и до сих пор не понимаешь нас, но это совсем не так. Ты же знаешь всё, что я пытался сделать, верно?

Сино положил в рот ещё одно сладкое и пробормотал:

— Я не знаю людей. Я говорю за себя.

— Прости?

— Каждый раз, когда Токифую просил ячменный чай, я бросал немного обжаренного ячменя в чашку кипятка и получал выговор, что он слишком слабый и безвкусный. Он был спокойным в большинстве вещей, но привередничал, когда дело касалось еды и питья. Он повторял мне одно и то же, пока это не стало раздражать, что крепкий чай можно разбавить, но ни один эксперт не сделает слабый чай крепким.

— ...О!

— И он отчитывал меня, когда я добавлял обжаренный ячмень в воду, которую снова кипятил. Он говорил: «Так хороший ячменный чай не сделать. Теперь ты потратил впустую и тот ячмень, с которого начал, и тот, что добавил». Это было раздражающе, но оглядываясь назад, он был прав. Неважно, что ты делаешь, важно определить правильное количество с самого начала.

Пока Масамити слушал, его нетерпение исчезло, и на лицо вернулась простая улыбка.

Понял. Та жалоба, которую высказал Сино, — это то, что Токифую говорил ему. И это значит... Сино сам когда-то делал то, что делаю я сейчас.

Спустя тысячу лет грубый, избалованный ребёнок, которого Масамити видел в ту ночь во сне, превратился в спокойного, умного и сильного мужчину, с которым он сейчас разговаривал. Тёплое чувство уважения и близости поднялось в сердце Масамити.

— Чему ты ухмыляешься? Не стой просто так. Поторопись и сделай чай.

— Ладно.

На этот раз Масамити дал ему неторопливый ответ и пошёл на кухню.

Он вскипятил свежий чайник, вымыл заварник и отмерил правильное количество чайных листьев ложкой.

На этот раз он очень старался всё сделать правильно, и улыбка не сходила с лица Масамити.

Масамити быстро взглянул на Сино и увидел, что тот доел второе сладкое и тщательно собирает маленькие крошки лепёшки, упавшие на стол, в ладонь и выбрасывает их в мусорное ведро.

Сино иногда делал такие вещи. Он мог быть невероятно скрупулёзным и несколько домовитым, чего не ожидаешь от призрака. Все эти действия, должно быть, были тем, что делал его покойный господин.

Токифую, наверное, очень о нём заботился. Но тогда почему он в итоге запер Сино в кувшине? Не понимаю, хотя могу сказать, что это, должно быть, ужасно ранило Сино.

Гордый Сино никогда не признается, что ему было больно, и будет в ярости, если узнает, что Масамити так думает. И всё же некоторая правда естественным образом проступала в ностальгическом, несколько болезненном выражении лица Сино, когда он говорил о Токифую.

Несмотря на ужасное предательство своего господина, Сино всё ещё общался с людьми — даже если только чтобы выжить — сосуществовал с ними и держал Масамити в качестве слуги. Масамити думал, что в глубине души он, возможно, всё ещё хочет доверять людям.

Я не стал слугой Сино потому, что хотел... И он действительно страшный, когда я иногда вспоминаю, что он призрак, а не человек. И всё же, я...

Железный чайник засвистел, указывая, что вода вскипела.

Сначала наливать кипяток в чашки, а затем переливать его в заварник — был метод, которому Сино научил его с тех пор, как он пришёл в «Богюдо».

Сино уже дал мне многое. Я не знаю, как долго он будет держать меня своим слугой... и я никогда не стану кем-то вроде него, но было бы хорошо, если бы я мог как-то отплатить ему. Нет, это не так. Я должен найти способ.

— Первый порядок дел — приготовить хорошую чашку чая.

Пробормотав себе под нос фразу, которую какой-то комик однажды сказал, чтобы начать с малого и продвигаться вперёд, Масамити методично начал разливать зелёный чай по двум чашкам...

<http://bllate.org/book/13974/1617329>